

К сожалению, эти общественные противоречия, как правило, не становятся предметом анализа, а в некоторых случаях общественное содержание идейного движения попросту отвергается: так, Хунгер полемизирует с А. Гарнаком и его последователями, видевшими в анахоретстве форму протеста против обмирщения церкви, и объясняет уход в пустыню внутренним саморазвитием аскетического идеала (стр. 233 и сл.).

Что касается отдельных сторон византийской общественной и идейной жизни, то многие из них обрисованы в книге Хунгера с большим мастерством. Так, вслед за Э. Иванка Хунгер рассматривает учение Григория Нисского о сотворении мира как попытку преодолеть противоречие между неоплатонической теорией эманации и дуализмом (стр. 333); мысль эта весьма плодотворна и может многое объяснить не только в теологии Григория, но и вообще в принципах христианства — своеобразной религии «снятого дуализма». Очень удачно показан Хунгером церемониал императорского дворца и особенно связь культа василевса с религиозным культом (гл. II, §§ 3—4); крайне интересен анализ использования неоплатонического наследия в ареопагитике (гл. V, § 2). Остроумно трактуются отдельные памятники византийского искусства, напр., знаменитый ларец из Вероли (стр. 207 и сл.), в резьбе которого Хунгер усматривает ироническую трактовку материала.

В методике Хунгера примечательно еще и то, что он постоянно стремится отметить сложность и противоречивость действительности: непоследовательность законодательства Льва VI о рабах (стр. 168), противоречивое отношение Иоанна Златоуста к ристаниям, которые он проклинал, но образами которых пользовался постоянно (стр. 187 и сл.)...

При моделировании общества, существовавшего целое тысячелетие, его изменение во времени всегда порождает большие трудности. Хунгер не принадлежит к той группе западных византистов, которые — как И. Караяннопулос — отрицают наличие сколько-нибудь серьезных перемен в общественном строе империи. В частности, Хунгер со всей определенностью говорит о ряде новых явлений в жизни Византии в VII в. (стр. 349) и между прочим о том, что славянские вторжения привели к улучшению положения в деревне (стр. 166). Он признает, далее, существование «далеко зашедшей феодализации» к моменту латинского завоевания (стр. 30). Возникает вопрос, в какой мере оправдано включение в одну модель столь разнородных общественно-политических явлений, как универсально-средиземноморская держава Константина — Юстиниана и феодальные княжества, какими были Никейская «империя», Морея или, к примеру, обломки Ромейского царства при Мануиле II.

Книга Хунгера вызывает споры, но споры, сулящие быть плодотворными. Она будит мысль и помогает двигаться вперед.

А. К.

P. LEMERLE. THOMAS LE SLAVE.— «Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantines, Travaux et mémoires», I, 1965, p. 255—297

Так уже повелось, что новые работы французского византиста Поля Лемерля регулярно разбираются и анализируются на страницах «Византийского временника». Это не случайность: работы Лемерля отличают две особенности — смелость в постановке больших проблем и тщательность в анализе источников; он пересматривает традиционные представления, касающиеся не каких-либо второстепенных, но именно центральных эпизодов византийской истории; его рассуждения всегда плодотворны, если даже не всегда достаточно убедительны.

Задача рецензируемой статьи — пересмотреть все, что мы знаем о восстании Фомы Славянина, и взвесить, что является достоверным и что — сомнительным. Главное — оценка характера движения — содержится в конце статьи, и я поэтому позволю себе начать с конца, с главного. Прежде всего, Лемерль (на мой взгляд, убедительно) показывает, что движение Фомы не было религиозным, не носило «иконопочитательского» характера (стр. 294. Ср. стр. 263). Далее, он показывает, что у нас нет оснований считать восстание Фомы движением негреческих этнических групп (стр. 294 и сл.). После этого он переходит к проблеме социально-экономических корней восстания (стр. 296 и сл.). Методологический принцип сформулирован им следующим образом: «Разумеется, утверждать, что экономические и социальные факторы не играли никакой роли, было бы столь же дурным методом, как и объявлять их определяющими». Не будем поднимать в этой связи проблем философии истории: историки-марксисты придерживаются иных принципов, но, пожалуй, задача рецензии не в том, чтобы убедить Лемерля в их справедливости, а в том, чтобы понять ход его рассуждений. Итак, он говорит — теоретически — о социально-экономических явлениях как об *одном из факторов*, определяющих историческое развитие. А практически?

Практически же он стремится показать, что источники не содержат никаких сведений о социальной программе восстания, а то, что содержат — это лишь *lieux*

сочинял, топосы. Продолжатель Феофана писал: «Рабы против господ, стратиот против командира, лохаг против стратига вооружили грозящую смертью руку» (*Theoph. Cont.*, p. 53. 15—17) — это для Лемерля не больше, чем топос. Генесий говорил об участии в восстании рабов, псевдо-Симеон — нищего народа, «Сказание о 42 аморийских мучениках», написанное Евдием в IX в. и, однако, не названное Лемерлем в разделе «Агиографические тексты» (стр. 261—263), — о гражданской войне (τῶ ἐμφυλίῳ πολέμῳ)¹, — и все это только топосы? Разве пользуются византийские хронисты такими топосами, рассказывая о других мятежах и бунтах?

Но когда Лемерль снимает по существу вопрос о социальной природе восстания Фомы, что же у него остается? Фома был другом Льва V и врагом Михаила II, он восстал, чтобы отомстить за друга (Льва V), убитого врагом (Михаилом II) (стр. 297. Ср. стр. 285). Звучит романтично, но вряд ли объясняет массовое движение, длившееся несколько лет.

И в объяснении причин поражения восстания Лемерль оригинален, но неубедителен. Он признает три фактора, сказавшихся на неуспехе Фомы: вождь восставших покинул Малую Азию, где был центр движения; его флот был разбит; болгары нанесли ему удар. А затем Лемерль добавляет: «Но истинная причина (*raison véritable*) его поражения состояла без сомнения в том, что Михаил был провозглашен и коронован в Константинополе..., а император, владеющий Константинополем, не мог быть разбит, иначе как изнутри Константинополя» (стр. 297). И хотя Лемерль ссылается на источник, на Кекавмена, в этих словах звучит какая-то мистика и пренебрежение к историческим фактам: разве Феодосий III не сложил в 717 г. императорского сана под натиском армии стратига Анатолика — будущего Льва III? Разве современник Кекавмена — Исаак Комнин — не одержал в 1057 г. победу над правившим в Константинополе Михаилом VI? И разве не добился того же самого племянник Исаака — Алексей Комнин? Почему Михаил II выиграл «гражданскую войну», может быть, еще недостаточно выяснено или недостаточно разъяснено в источниках, но решение надо все-таки искать в реальной силе его позиции, а не в одной мистике императорской власти.

Опираясь на источники, Лемерль стремится критически выверить то, что нам известно о жизни Фомы и о ходе восстания. Он признает Фому славянином (стр. 284); на основании послания Михаила II императору Людовику и Жития Симеона приходит к выводу, что войска Фомы заняли фему Армениак (стр. 286)², рассматривает отношения Фомы с арабами (стр. 287 и сл.), разделяет два периода восстания — малоазиатский в 821 г. (стр. 288 и сл.) и европейский — с декабря 821 по 823 г. (стр. 290 и сл.). При установлении фактической истории восстания Лемерль считает необходимым избежать двух распространенных ошибок (стр. 283): первая состоит в том, что факты произвольно извлекаются из любых источников и исследователь не отдает себе отчета в характере, датировке и ценности этих свидетельств; вторая — в том, что предпринимается попытка комбинировать сведения, исходящие к разным традициям, которые рассматриваются «как две половинки некогда единой традиции».

Разумеется, первое предостережение Лемерля не может не вызвать поддержки: конечно же, при монографическом исследовании проблемы исследователь обязан четко представлять себе, насколько достоверен используемый источник. Зато второе предостережение Лемерля не столь бесспорно.

Действительно, если мы имеем две версии событий, разве мы должны непременно считать одну из них истинной, а вторую ложной? Разве не может — в принципе — каждая из них отражать какую-то часть действительности? Впрочем, в оправдание Лемерля можно сказать, что он не выдерживает избранного им принципа: он, напр., отвергает версию послания Михаила II (см. ниже) и тем не менее, как я уже сказал, следует за ней в спорном вопросе о феме Армениак.

Но как бы то ни было, решение вопроса — по Лемерлю — упирается в проблему соотношения источников. Неслучайно анализу источников посвящена первая половина работы. Последовательно и подробно рассматривает Лемерль сохранившиеся источники — и все-таки его выводы не бесспорны. Я говорю не о частных погрешностях: напр., Лемерль считает современным событиям «Житие Давида, Симеона и Георгия», изданное И. ван ден Гейном (стр. 261) — тогда как на самом деле это лишь поздняя редакция, а ранняя содержится в Cod. Patm. 254³; рассматривая вопрос о

¹ ВHG № 1214: В. Васильевский, П. Никитин. Сказания о 42 аморийских мучениках. — «Зап. АН», сер. VII: ист.-филол. отд., т. VII, № 2, 1905, стр. 64. 27.

² См. об этом: А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 350, прим. 6. Тезис о том, что Армениак не был захвачен восставшими, отстаивала в последнее время Е. Э. Липшиц («Некоторые вопросы истории Византии VIII — первой половины IX в.» — ВВ, XXVI, 1965, стр. 264), но Лемерль уже не мог успеть учесть или оспорить ее аргументацию.

³ См. E. Halkin. Un ménologe de Patmos (ms. 254) et ses légendes inédites. — AB, 72, 1954, p. 15—34. Ср. H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 560. Об этом житие см. еще E. Halkin. Y-a-t-il

датировке хроники Георгия Монаха (стр. 259, прим. 13), следовало бы, пожалуй, остановиться на гипотезе В. Регеля, отнесшего хронику ко времени правления Льва VI⁴. Однако я говорю о существовании: Лемерль следует за работами Ф. Баршича и отдает предпочтение т. н. версии А Генесия, тогда как послание Михаила II признает недостоверным. Думается, что этот тезис не может считаться убедительно доказанным.

Прежде всего, вслед за Баршичем Лемерль считает, что Генесий послужил источником Продолжателя Феофана (стр. 264, прим. 28) — мой возражения Баршичу⁵ при этом не принимаются во внимание и не опровергаются (правда, на стр. 272 Лемерль говорит об *общем* источнике обоих хронистов). Тем не менее как раз в рассказе о Фоме довольно определенно проступает зависимость Генесия от Продолжателя; последний прямо говорит о существовании двух версий рассказа; согласно первой из них (εις και πρωτος λεγος), Фома был бедняком, который поселился в столице и там вступил под покровительство (κολληθεις) некоего синклитика; затем он бежал к агарянам (Theoph. Cont., p. 50. 18—51. 6). В другой (ιτερος) версии сообщалось о близости Фомы к вельможе Вардану (ibid., p. 52. 8—9). В отличие от этого Генесий в соответствующем месте приводит только одну версию, которая возникла в результате соединения обеих версий Продолжателя: по Генесию, Фома, переселившись в Константинополь, вступил под покровительство (κολληθεις) Вардана (Genes., p. 35. 10—11). По-видимому, Генесий, упрощая сложное повествование Продолжателя (или общего источника), объединил обе версии о начале деятельности Фомы.

Правда, у Генесия встречается несколько упоминаний об армянине Фоме с Газурского озера (Genes., p. 8. 14—16), находившемся в услужении у Вардана и принимавшем участие в мятеже Вардана (ibid., p. 10. 13—14), а при Льве V назначенном турмархом (ibid., p. 12. 13—14). Сведения об этом Фоме есть и у Продолжателя. Единственное, что позволяет сблизить Фому Газурского с Фомой Славянином — это пророчество, будто Фома возмутится против Михаила II и будет предан им казни (ibid., p. 9. 14—15). Зато, как уже показал М. Райкович⁶, известие Генесия об армянине Фоме Газурском не согласуется с сообщением хрониста о мятежнике Фоме, который, по Генесию, был скифом и отличался своим происхождением от Льва Армянина. Не значит ли это, что Фома Газурский и Фома Славянин — разные лица?

И тут я перехожу к основной историко-ведческой проблеме, связанной с историей Фомы: в какой мере мы можем доверять версии, изложенной в послании Михаила II? Разумеется, Лемерль прав, когда подчеркивает, что послание пронизано враждебной к Фоме тенденцией. Но не идет ли он слишком далеко в своей критике, считая послание полным искажением *фактической* истории? Он не доверяет даже сообщению послания о том, что восстание началось еще при Льве V (стр. 273).

Версия послания совпадает с первой версией, сообщаемой Продолжателем, являющейся, по словам самого хрониста, наиболее распространенной, ей именно хронист отдает предпочтение (см. стр. 270). Тем не менее Лемерль называет эту версию романом (стр. 272), тогда как вторая версия Продолжателя признается им достоверной. Строгий формальный оснований для такого решения нет (тем более, что в отдельных случаях, как, напр., в вопросе о Фоме Армянин, Лемерль принимает за достоверные данные послания) — французский ученый ссылается только на то, что первая версия пронизана враждебным отношением к Фоме. Мне все-таки трудно допустить, что в официальном документе, написанном сразу же после событий, искажения могли зайти столь далеко, что начало восстания было отнесено к другому царствованию. Во всяком случае поздние и склонные к передаче легендарно-анекдотических сведений писатели Генесий и Продолжатель Феофана — слишком ненадежные авторы, чтобы на их основе пересматривать сообщения современника (к тому же и сам Продолжатель склоняется к этой версии). И кстати сказать, именно на второй версии Продолжателя основано то романтическое представление о восстании Фомы как об акте личной мести за убиенного Льва V, которое как достоверное принимает Лемерль.

А. К.

trois saints Georges, évêques de Mytilène et «confesseurs» sous les iconoclastes? — АВ, 77, 1959.

⁴ W. Regel. *Analecta byzantino-rossica*. Petropoli, 1891, p. VI—XIII. Ср. С. Шестаков. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха (Амартола). Казань, 1891, стр. 1. См., однако, мои возражения: А. П. Каждан. Хроника Симеона Логофета. — ВВ, XV, 1959, стр. 126.

⁵ А. П. Каждан. Из истории византийской хронографии X в. — ВВ, XXI, 1962, стр. 101, прим. 50.

⁶ М. Райкович. О пореклу Томе, вође устанка 821—823. — ЗРВИ, 2, 1953, стр. 35.